

кончание. Начало в № 289, 290).

И время опять изо дня в день текло размеренно, без особых радостей и без утара, без ожиданий и надежд...

Однажды, уже зимой, Степан по ельсоветским делам поехал в Зятку. Прожил здесь два дня, все наделал, все выяснил, что нужно было, и в субботу к вечеру уже собирался домой.

Сходил напоследок еще в какой-то магазин и, когда возвращался в Дом крестьянина, заметил на заборе большую афишу. Обычно на афиши он теперь внимания не обращал, чтобы не беречь душу, да и ни к чему ему, сельскому жителю, городские афиши. А тут только скользнул взглядом и сразу остановился. Что за наваждение?

На афише крупными буквами было написано: «В старой роте». Что такое? Ведь так называется его пьеса, которую он полгода назад послал в Москву. Значит, уже до него была такая?

Подождал поближе и только тогда заметил, что над названием пьесы справа мелкими буквами было написано: «С. Лаптев».

Значит это его пьеса! Сердце у Степана так заколотилось, что он приложил руку к груди. К голове прихлынула горячая волна.

Его пьеса! Но как, откуда она попала сюда? Что-то невероятное!

Немного охлынув, Степан прочитал всю афишу:

«В субботу, такого-то числа, в зале Дворца труда будет поставлена пьеса... Начало в 7 часов вечера».

ДОМОЙ в этот день Степан, конечно, не уехал. Он еле дождался вечера. Весь день не находил себе места, бродил по городу, раз пять прошел мимо Дворца труда, еще прочитал на улицах несколько афиш о спектакле.

Наконец, наступил и вечер. Степан купил билет, сдал в раздевалку свой неказистый, обшарпанный полушубок, поднялся по широкой лестнице на второй этаж.

Народу было много. И он вначале оробел, одежда у него была явно не театральная — старая солдатская гимнастерка, выцветшая, кой-где заштопанная, на ногах — серые разношенные валенки, и ко всему этому он еще оказывается забыл побриться, на подбородке проступала густая рыжеватая щетина.

Занавес раздвинулся. Степан с затаенным дыханием смотрел на сцену. Он как будто снова оказался в каком-то сладком туманном утаре, в таком же, в каком писал пьесу. Только тогда он мог по своей воле подправлять героев, заставлять их говорить, переживать и действовать так, как это было нужно ему. А здесь он испытывал странное чувство: герои действовали независимо от него, от его воли, жили самостоятельной жизнью, и он уже бессильно что-нибудь подсказать им, в чем-то помочь.

Он мог только со стороны, как будто через стекло, наблюдать созданный им кусочек жизни. Он жил вместе с героями, волновался вместе с ними. Это как-то, видимо, проявлялось и внешне, потому что соседи справа и слева не раз в недоумении поглядывали на него.

Но он ни на кого не обращал внимания. Он впервые в жизни испытывал сейчас новое, ни с чем не сравнимое чувство, чувство творчества. Созданное его головой, его руками, оно живет самостоятельно, уже независимо от него.

...Занавес закрылся, в зале вспыхнул свет. Публика поднялась, задвигалась, а Степан еще несколько минут сидел в каком-то оцепенении. Он как будто все еще был там, вместе со своими героями.

Публика не расходилась. После спектакля, видимо, еще что-то будет. Но Степану уже ничего больше не нужно. Он пошел было к раздевалке, но на лестнице остановился. Надо же спросить кого-то, как попала сюда его пьеса. Ведь она существовала всего в одном экземпляре.

За кулисы его не пустили. Какая-то разбитная девушка оглядела его с ног до головы и сказала:

ДОРОГА К МЕЧТЕ

Ник. Васенев

— Что вам нужно? Сюда посторонним нельзя.

— Мне нужен режиссер.

— Но он занят, приходите завтра даем.

— Завтра я уеду. Попросите режиссера на несколько минут. Скажите, что его просит автор вот этой пьесы.

— Автор? — девушка недоверчиво фыркнула, еще раз окинула взглядом Степана и убежала.

Минут через десять вышел режиссер, высокий горбоносый человек в широкой бархатной блузе, с бородкой клинышком, в пенсне на черном шнурочке.

— Что вам угодно, товарищ, э-э-э?

— Лаптев моя фамилия. Видите ли, я автор пьесы, которую только что играли, и хотел бы...

— Хм., — крикнул режиссер и как-то недоверчиво и очень пристально посмотрел на Степана. — Бывает, бывает... Скажите, вы действительно автор, или... А то у меня нет времени.

Степану все это показалось обидным, его прекрасное настроение начинало уже померкать, портиться. Не стоило, пожалуй, соваться за кулисы. Но он сдерживался.

— Да, я действительно автор, но я пришел к вам не за тем, чтобы что-то доказывать. Меня интересует только один вопрос: где вы взяли пьесу?

— То есть как где? — удивился режиссер, — она же напечатана отдельной книжечкой, я вам сейчас покажу ее.

Режиссер ушел и быстро вернулся с книжкой в руках.

— Вот она, пожалуйста. Автор действительно Лаптев. Но ведь...

Степан уже не слушал его. Он

разглядывал обложку, перелистывал страницы.

Да, его пьеса выпущена Гослитиздатом. Москва. Год 1920-й.

На обороте обложки было мелким шрифтом напечатано: «Пьеса С. Лаптева «В старой роте» премирована на конкурсе газеты «Беднота».

Степан вернул режиссеру книжечку, поблагодарил скороговоркой и пошел.

Режиссер в растерянности помолчал, потом крикнул вдогонку этому странному человеку:

— Послушайте, товарищ! Товарищ Лаптев, вернитесь!

Режиссер в эту минуту подумал: «А вдруг... Чем черт не шутит. В жизни всякое бывает».

Но Степан не обернулся. Он быстро спустился с лестницы, взял свой полушубок и трюх и, на ходу одеваясь, вышел.

Хватит с него и того, что он пережил за этот необычный, великопный день. Жизнь не часто балует такими днями. На дворе стоял морозец, и чистый, освежающий воздух вливался в грудь, как студеной родниковая вода.

Через некоторое время Степану Лаптеву предоставилась возможность побывать в Москве. Вот тогда, в свободный час, он и отправился в редакцию «Бедноты». Его здесь приняли очень хорошо. Расспрашивали о сельской жизни, о работе, и, конечно, о том, как он писал пьесу. Извинились перед ним за то, что своевременно не известили о результатах конкурса. Оказывается, свой обратный адрес Степан написал не на рукописи, а на отдельном листочке, вот этот листочек и потерялся, рукописей было так много.

А потом его направили в Гослитиздат, ведь ему причитаются

премия и гонорар за книжку.

Здесь тоже распросам не было конца. На прощание директор издательства, проводив Степана до двери и крепко пожав руку, сказал:

— Первый шаг вы сделали, а теперь продолжайте, пробуйте свои силы. Садитесь за новую пьесу и присылайте нам.

Степан, возвратившись домой, через некоторое время сел за пьесу. Сюжет ее он вынашивал давно.

И в 1925 году Гослитиздатом была издана отдельной книжечкой вторая пьеса Степана Лаптева — «Сыны крестьянские».

ЖИЗНЬ — СЛОЖНАЯ ШТУКА, она иногда совершенно неожиданно делает удивительные зигзаги. У Степана это бывало и раньше. И вот теперь...

В 1944 году Лаптева приняли в члены Союза советских художников.

Позвольте, спросит читатель, причем здесь художники? Ну, был актером, был драматургом, но художником?

И все-таки Степан Лаптев стал художником, если говорить, точнее — скульптором он стал, мастером керамической миниатюры, как называли его иногда в газетах. И скульптором он стал самым бытовым, оригинальным, взявшим свое мастерство от народного искусства.

Но всему этому предшествовал длинный период в жизни Степана. Много лет было отдано новому интересному делу, немало творческой энергии было затрачено, прежде чем Степана Лаптева называли художником.

Во второй половине двадцатых годов в Вятке стали возрождаться всевозможные кустарные промыслы, в том числе и художественные, которыми вятская земля и раньше славилась. Открылось даже специальное производственное училище для подготовки новых мастеров. Стали подбирать для него преподавателей, собирать опытных людей. Тут кто-то и вспомнил о Степане Лаптеве, о том, что когда-то, много лет назад, он был лучшим лепщиком-модельщиком в земских мастерских учебных пособий.

Разыскали Степана и уговорили вспомнить старину и снова заняться лепкой. Так он и стал в этом училище инструктором по художественной игрушке.

Но он не только учил других, а и сам лепил образцы новых игрушек, выдумывал, изобретал что-нибудь новое, красивое. Его образцы стали тиражироваться во многих мастерских в папье-маше и гипсе. А потом командировали Степана Лаптева с группой других мастеров в Казахстан налаживать и там производство игрушек, а потом и на Дальний Восток.

За пятнадцать лет «игрушечного» увлечения Степан создал около четырехсот образцов игрушек, утвержденных специальным советом для массового производства. Это было уже не просто ремесло, а творчество. Ведь недаром, когда в областном театре кукол готовили постановку «Дон-Кихота», то пригласили Степана Лаптева для лепки масок всех кукол — участников спектакля. И он выполнил это задание прекрасно.

Но все это было еще не то, это были еще только подступы к настоящему искусству. Дома он лепил другое, не игрушки. Он создавал небольшую скульптурную группу. В его воображении она называлась «Конек-Горбун».

Жил тогда Степан Лаптев на Профсоюзной улице в глубине двора, в крохотном домике, переделанном из баньки. У домика была небольшая дощатая пристройка, вот здесь он и лепил свои первые художественные вещи.

Был у Степана тогда один се-

крет. Он давно уже заметил, что глина, взятая из разных, отдаленных друг от друга мест, при обжиге приобретает различные цветные оттенки. Различие это не сильное, не резкое, а мягкое, приятное. Вот эту особенность он и решил использовать в своих керамических миниатюрах.

«Конька-Горбунка» Степан показал кировским художникам. И они не только горячо одобрили его произведение, но и приняли на областную художественную выставку. С этого и началась новая творческая полоса в жизни Степана Лаптева. Он создает интересные, очень динамичные керамические скульптуры. Они все в движении, в порыве. Это несколько вариантов «Конька-Горбунка», это «Русская тройка» и «Иван-царевич на сером волке», это «Степан Разин» и «Чапаев».

Произведения Степана Лаптева в те годы экспонируются на художественных выставках в Москве, Горьком, Перми и на нескольких выставках в Кирове.

Его творчество называют народным. А что может быть для художника выше такой оценки!

КОГДА Я БЫЛ в последний раз в мастерской у Степана Петровича Лаптева, в этой тесной дощатой пристройке, я видел на его рабочем верстаке, заваленном кусками глины, начало новой работы. Еще в хаотическом нагромождении глины, в энергичных мазках уже угадывались фигуры беснующихся коней, фигуры всадников в красноармейских шлемах.

— Задумал вот я одну работу, — сказал тогда Степан, — сложную. Это будет «Конармия». Хочется сделать что-то очень хорошее.

Но «Конармия» так и не была закончена. Этому помешала смерть художника.

Каждый раз, когда я вспоминаю теперь о Степане Петровиче Лаптеве, о его беспокойной и легкой жизни, я всегда думаю: сколько же талантов отпускается природой одному человеку?